

ИЗ НЕИЗДАННЫХ И НЕСОБРАННЫХ СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ НЕКРАСОВА

Публикации Н. Ашукина, А. Максимовича, И. Розанова
и К. Чуковского

I

〈В АЛЬБОМ М. ФЕРМОР〉

На скользком море жизни бурной
Пусть ваша скромная ладья
Плывет по гладкости лазурной
До тёмной цели бытия
Без бурь, без горя, без ненастья...
Пуškai роскошные мечты
Вас подарят годами счастья,
Слетя с безбрежной высоты...
Пуškai убийственная скука
От вас далеко улетит,
И никогда печалей мука
Младого сердца не смутит.

Душевно уважающий Вас

Н. Некрасов.

Стихотворение написано Некрасовым в альбом Марии Фермор, повидимому, в 1838—1839 гг. и является, таким образом, одним из наиболее ранних автографов поэта. Именно в эти годы юный поэт, только что приехавший в Петербург, подружился с семьей Ферморов, особенно с Николаем Федоровичем Фермором, преподавателем Инженерного училища. Фермор принимал большое участие в распространении первого сборника стихов Некрасова «Мечты и звуки», выпущенного в 1840 г. (Д. Григорович, Литературные воспоминания, Л., 1928, 58). Некрасов посвятил ему свое стихотворение «Изгнанник», напечатанное в 1839 г. в № 9 «Сына Отечества» (В. Е. Максимов, Литературные дебюты Некрасова, СПб., 1908, 31). Их отношения младший брат Николая Федоровича, Владимир Федорович, называл «дружески родственными» («Архив села Карабихи», М., 1914, 213). Николай Федорович Фермор был человек замечательный. О его трагической судьбе рассказано в очерке Н. С. Лескова «Инженеры бессеребренники» (Соч., изд. Маркса, IV). Н. Ф. Фермор дал торжественную клятву «служить отечеству с совершенным бескорыстием» и, несмотря ни на что, «останавливать малейшее злоупотребление» и не щадить воров и взяточников. Однако такие взгляды в инженерном ведомстве, где процветала «система самовознаграждения», сочувствия не встретили. Проповедь бескорыстия доставила Николаю Федоровичу ряд хлопот и столкновений с начальством, в результате которых «фанатик честности», «потеряв веру к людям», захворал нервным расстройством. Отправленный Николаем I для лечения за границу, он бросился с парохода в море и утонул. «Душевные страдания Фермора, — пишет Лесков, — говорят, послужили мотивами Герпену для его «Записок доктора Крупова», а еще позже — Феофилу Толстому, который с него написал свой этюд «Болезни воли».

В альбоме Марии Фермор, среди записей конца тридцатых — начала сороковых годов, имеется только одна запись 1864 г.; это — стихотворение Вас. Ив. Немировича-Данченко, посвященное памяти трагически погибшего Николая Федоровича.

Повидимому, Мария Фермор — сестра Николая Федоровича, свято чтившая его память. Более точных сведений о ней у нас не имеется. Павел Федорович Фермор, инженер, генерал-лейтенант (1810—1888), был женат на Александре Михайловне Чихачевой. Лесков в своем очерке упоминает Марию Павловну Фермор, вышедшую замуж за петербургского генерал-губернатора А. А. Кавелина. Но это описка Лескова: Кавелин был женат на Марии Павловне Чихачевой, двоюродной сестре Александры Михайловны («Петербургский Некрополь», СПб., 1912, II, 293; СПб., 1913, IV, 353; В. В. Румель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, СПб., 1886, I, 342).

Альбом М. Фермор, принадлежавший писателю Павлу Сергеевичу Сухотину (1884—1935), находится ныне в Государственном литературном архиве.

Печатаемое стихотворение, до сих пор не включенное в собрание стихотворений Некрасова, впервые было опубликовано мной в «Литературной Газете» 1938, № 1.

Н. Ашукин.

II

«ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ: «СРЕДИ МОИХ ТРУДОВ ДОСАДНЫХ, и «ЗАЧЕМ НАСМЕШЛИВО РЕВНУЕШЬ»

⟨1⟩

Среди моих трудов досадных
И жалких юности тревог
Минут немало благодатных
С тобою проводить я мог.
Но чаще, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
С запасом молчаливой скуки
Встречался мрачно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли мрачных дум.
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей.
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильней.
Но скоро прерван был разлукой
Поток однообразных дней.
И стало то, что было мукой,
Единой радостью моей.
Стою один, как на кладбище
Прошедших, невозвратных дней.
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Мне стали дороги и милы
Те грустно прожитые дни.
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
Их вспоминая с умилением,
Я пролил много сладких слез,
И думал с тайным сокрушеньем —
Кто ж больше горя перенес:

Тот, кто по слабости позорной
Его бесплодно проклинал,
Или кто радостью притворной
Его, сквозь слезы, прикрывал?..

〈2〉

Зачем насмешливо ревнуешь,
Зачем, быть может, негодуешь,
Что музу темную мою
Я прославляю и пою?

Ala nuptia sancti spiritus Synax
F

На следующем море ждали бурасы

Рисунок вагона с пропущенным надом

Нивисет по гладкости мармурной

До жидкой пищи Китик

Без Липы, без роз, без непамяти

Пускай² роетомомъ истребятъ

Ваша покорная дочь Анна Каренина.

Всего с береговой высоты...

Пустая убийственная сажа

Om de best gadea yunnanen,

Он ни когда печаль не муча

Многого сердце не выдержит

Душесно гласнагоу вѣв Н. Мадри

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ АЛЬБОМА МАРИИ ФЕРМОР

Один из наиболее ранних автографов поэта (1838—1839 гг.)

Центральный литературный архив, Москва

Не знаю я тесней союза,
Сходней желаний и страстей —
С тобой — моя вторая муза —
У музыки юности моей!

Ты ей родная с колыбели...
Не так же ль в юные лета
И над тобою тяготели
Заботы, скорбь и нищета?

Ты под своим родимым кровом
Врагов озлобленных нашла
И в отчуждении суровом
Печально детство провела.

Ты в жизнь невесело вступила...
Ценой страданий и борьбы,
Ценой кровавых слез купила
Ты каждый шаг свой у судьбы.

Ты много вынесла гонений,
 Суровых бурь, враждебных встреч,
 Чтобы святыню убеждений —
 Свободу сердца уберечь.

Но, устояв душою твердой,
 Несокрушимая в борьбе,
 Нашла ты в ненависти гордой
 Опору прочную себе.

Ты так встречаешь испытанья,
 Так презираешь ты людей,
 Как будто люди и страданья
 Слабее гордости твоей.

И говорят: ценою чувства,
 Ценой душевной теплоты —
 Презренья страшное искусство
 И гордый смех купила ты.

Нет, грудь твоя полна участия!
 Когда порой снимаешь ты
 Личину гордого бесстрашья
 Неумолимой красоты.

Когда скорбишь, когда рыдаешь
 В величьи слабости твоей,
 Я знаю, как ты проклинаешь
 Как ненавидишь ты людей!

В груди, трепещущей любовью,
 Вражда бесплодно говорит.
 И сердце обливаясь кровью
 Чужою скорбью болит.

Не дикий гнев, не жажда мщенья
 В душе скорбящей разлита.
 Святое слово всепрощенья
 Лепечут слабые уста.

Так, помню, истощив напрасно
 Все буйство скорби и страстей,
 Смирилась кротко и прекрасно
 Вдруг муза юности моей.

Слезой увлажнены ланиты,
 Глаза поникнуты к земле
 И свежим тернием увитый
 Венец страданья на челе.

В 1861 г. вышло второе издание «Стихотворений Н. Некрасова» в двух частях. На заглавном листе читаем «Издание второе с издания 1856 г. с прибавлением стихотворений, написанных после этого года. Санктпетербург. В типографии Эдуарда Праца. 1861». В первой части XVI + 252 страницы, во второй 242. В первом издании 1856 г. было помещено 75 произведений, в это вошло 90.

Ко второму изданию цензура придиралась гораздо строже, чем к первому. В стихотворении «Поэт и гражданин» в издании 1856 г., где оно помещено в самом начале и с особой нумерацией, было три места, где текст заменен точками. В издании 1861 г., где стихотворение не выдвинуто в начало, а затеряно в середине второй части, количество мест, замененных точками, то же, но кое-что вовсе опущено без обозначения точками, кое-что смягчено, изменено и тем ослаблено.

Известный библиограф и редактор собраний сочинений многих наших классиков П. А. Ефремов, лично знавший Некрасова, свой экземпляр второго издания «Стихотворений Некрасова» — принадлежащий ныне мне — обогатил многочисленными рукописными добавлениями как в тексте, так и на вклеенных листах, влетенных в со-

ответствующие места книги, а, кроме того, в конце книги добавлено 40 страниц рукописного текста. Здесь помещено 17 стихотворений: 1) Белинский, 2) Старушке, 3) У парадного крыльца, 4) Отрывки из путевых записок графа Гаранского, 5) Панаши, 6) Среди моих трудов досадных, 7) Когда горит в твоей крови, 8) Зачем насмешливо ревнуешь, 9) В альбом («Не пошлость старого обычая поэтов»), 10) Еще скончался честный человек, 11) Новый год, 12) Колыбельная песня, 13) Гроб, 14) Карета, 15) Наследство, 16) Детство («Родился я в губернии»), 17) Как быстро по пути прогресса...

Большинство этих стихотворений появилось в печати позднее, но некоторые до сих пор не вошли в собрания сочинений Некрасова. К ним относятся и опубликованные выше два лирических стихотворения, обращенные, несомненно, к А. Я. Панаевой.

Впервые оба стихотворения были напечатаны мною в «Литературной Газете» 1938, № 1.

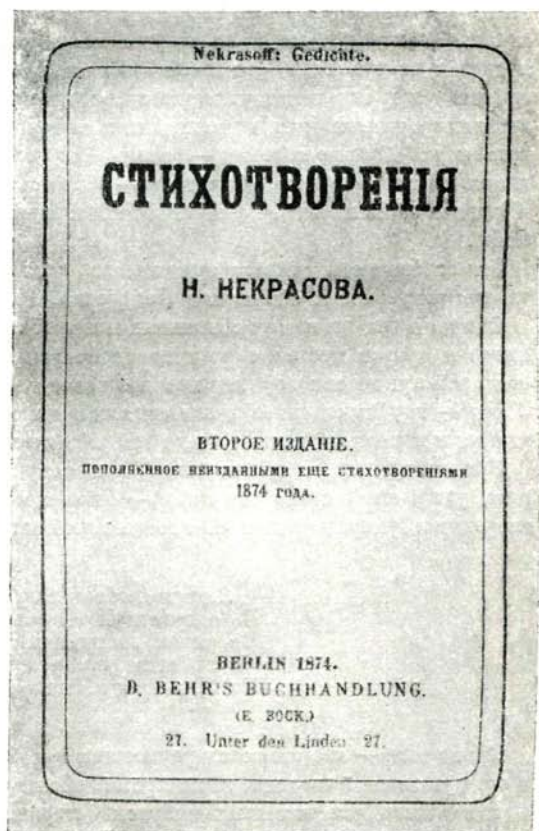
Ив. Розанов

III

КАРЕТА

О филантропы русские! Бог с вами,
Вы не притворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы в потьмах усталый пешеход,
Или шалун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желание прокатиться
За вашим экипажем...

После выхода сборника «Стихотворений Н. Некрасова» (М., 1856), имевшего необычайный успех, быстро разошедшегося и потом продававшегося по повышенным ценам, его автор довольно скоро стал жертвой заграничных контрафакций.

БЕРЛИНСКАЯ КОНТРАФАКЦИЯ
СБОРНИКА «СТИХОТВОРЕНИЙ»
НЕКРАСОВА, ИЗДАННОГО
в 1856 г.

Второе издание контрафакции, 1874 г.,
содержало неизвестное в русских
изданиях стихотворение «Карета»

Публичная библиотека им. М. Е. Сал-
тыкова-Щедрина, Ленинград

Первая перепечатка сборника 1856 г. появилась в 1859 г. в Лейпциге, у Вольфганга Гергарда (Наумбург, типография Г. Пеца). Она была повторена там же в 1869 г. (с обозначением «2-ое издание»).

Две другие контрафакции того же сборника появились в Берлине в 1862 г. и («второе издание») в 1874 г. Обе имели на титульном листе обозначение: «В. Behr's Buchhandlung (E. Bock). Unter den Linden, 27», а после текста — указание на типографию: *Imprimerie de Rosenthal et Cie à Berlin*. Надо отметить, что все эти контрафакции в основном ограничиваются составом сборника 1856 г.: все написанное Некрасовым позднее в них уже не попадает.

Но в то время как два лейпцигских издания, не мудрствуя, полностью повторяют сборник 1856 г., — издания берлинские, видимо с целью рекламы, именуют себя — первое «пополненным по рукописям», второе — «пополненным неизданными еще стихотворениями 1874 года».

Это «пополнение» было осуществлено весьма примитивным способом: в обоих изданиях сборник начат «Тишиной», далее воспроизведен подряд весь состав сборника 1856 г., к которому в конце присоединены пять произведений, напечатанных в «Современнике» в 1857—1860 гг.: «Эпилог ненаписанной поэмы» (т. е. «Несчастные»), «Песня Еремушке», «Знахарка», «Убогая и нарядная» и «Папаша».

Во втором издании, в качестве «неизданных стихотворений 1874 г.», добавлены стихотворения «Утро» («Ты грустна, ты страдаешь душою») и «Три элегии» — несомненно, просто перепечатанные из «Отечественных Записок» (1874, февраль) и сборника «Складчина» (1874, вышел 25 марта).

Ввиду такого случайного состава «пополнений» можно предположить, что все эти зарубежные издания выходили без ведома автора и были действительно контрафакциями. Это подтверждается и характером текстов: «Тишина», например, в этих сборниках напечатана в первоначальной журнальной — «благонамеренной» — редакции, от которой Некрасов отказался уже в 1861 г., включая стихотворение в свой сборник. При перепечатке «Несчастных» (под старым наименованием «Эпилог ненаписанной поэмы») издатели не заметили, что в нее полностью входит отрывок «Петербургское утро», и оставили этот отрывок в качестве самостоятельного стихотворения. Наконец, те стихи, заглавия которых были изменены или вычеркнуты Некрасовым, остались при старых заглавиях («Старые хоромы» — теперь «Родина»; «Из Шенъе» — теперь просто «Да, наша жизнь текла мятельно», «Отрывок» — «О, письма женщины, нам милой», «Сознание» — «Праздник жизни, молодости годы»; «В черный день» — «Поражена потерей невозвратной»).

Эта особенность отчасти оправдывает исследователей, до сих пор игнорировавших тексты зарубежных сборников Некрасова.

Однако в тех же самых сборниках мною обнаружено подлинное стихотворение поэта, нигде в другом месте ни разу не напечатанное, не вошедшее в собрание сочинений Некрасова и до сих пор неизвестное исследователям.

Это — опубликованное выше стихотворение «Карета». Оно включено в берлинском здании в известный цикл «На улице» в качестве последнего, пятого, номера.

Принадлежность стихотворения Некрасову несомненна. Та же тема — барский экипаж, утыканный сзади гвоздями, — была позднее разработана Некрасовым в стихотворении «Сумерки» (цикл «О погоде»; напечатано в 1859 г.):

...друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!

Кроме того — что является решающим аргументом в пользу авторства Некрасова — в его рукописной тетради, ныне хранящейся в Библиотеке имени Ленина (№ 5763, лл. 9 и 10), есть два черновых наброска карандашом — две первоначальные редакции стихотворения «Карета».

<1>

Хотелось бы кой что сказать и тем,
 Которые о ближнем хл<опотали?*>
 А ездят в экипаже огражденном
 Гвоздями сзади, чтоб старик усталый
 Или шалун, оборванный мальчишка,
 Впотьмах <дерзнув> забраться на запятки,
 То заплатились бы увечьем
 За дерзость эту

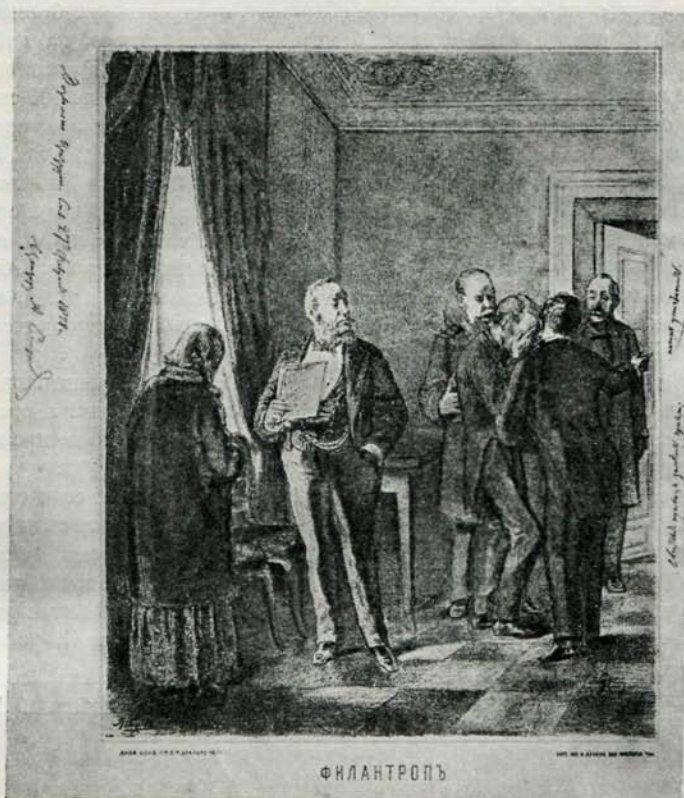

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ФИЛАНТРОПЪ»

Автолитография А. И. Лебедева, 1877 г.

На полях листа пометки цензора: «светлые пуговицы заменить черными», «погон уничтожить»

Литературный музей, Москва

<2>

Хотелось бы и тем сказать словечко,
 Которые жалеют бедняков**,
 А ездят с заостренными гвоздями,
 Чтобы впотьмах усталый пешеход
 Или шалун, оборванный мальчишка***,
 Вскочивши на запятки, заплатил
 Увечьем за желанье прокатиться
 За их каретой

* <Первоначально:> Которые хлопочут о ближнем.

** <Первоначально:> Хотелось бы сказать слово и тем,
 Которые о бедном сожалеют

*** <Первоначально:> Или бедняк, мальчишка шаловливый

Остается решить два вопроса: каким путем попало в руки берлинского спекулянта-издателя стихотворение Некрасова, которое сам автор, повидимому, решил не печатать, и каков первоначальный источник его текста.

Разрешить первый вопрос мне не удалось, относительно второго решаюсь высказать предположение, более или менее вероятное.

Сборник стихотворений Некрасова, вышедший в конце 1856 г. в издании К. Солдатенкова и Н. Щепкина, был запродан Солдатенкову еще в середине 1855 г. Пока рукопись лежала у издателя, Некрасов написал и напечатал в «Современнике» ряд новых стихотворений, и, когда в конце марта 1856 г., после предъявления взаимных претензий, Некрасов дал согласие на печатание сборника, он предложил Солдатенкову изменить его состав: «Печатайте мои стихи и присоединяйте к ним все, что найдете в Современнике,— писал Некрасов 27 марта 1856 г.— Это прибавление составит не до 600 стихов (как, видимо, было условлено.— А. М.), а до 1000,— за лишние 400 стихов я прошу Вас только исключить из данной Вам тетрадки некоторые пьесы, которые, как очень слабые, могут только повредить книге. Список этих пьес я пришлю Вам на днях» (Собр. соч., М.— Л., 1930, V, 240; список не сохранился). О том же Некрасов писал 5 апреля В. П. Боткину: «Пусть Солдатенков печатает мои стихи, чорт с ним!.. Боюсь только, не распорядился ли он, по наущению Кетчера, самовластно, т. е. не отдал ли моей тетради в цензуру и не приступил ли уже к печатанию. Это было бы худо, ибо я думаю некоторых пьес из данных ему не печатать, а заменить их теми, которые написал в последнее время. Для этого составляю новую тетрадь, которую здесь отдам в цензуру». (Там же, 242).

Поскольку в издание 1856 г. действительно вошли стихотворения, напечатанные в 1855—1856 гг. в «Современнике», можно полагать, что Солдатенков выполнил просьбу Некрасова и за счет этих новых стихотворений исключил несколько прежних из ранее переданной ему тетради.

Мне думается, что именно эта первоначальная тетрадь, в той ее части, которая по воле Некрасова была исключена и заменена новыми стихами, явилась первоисточником ряда некрасовских текстов, обнаруженных за последнее время исследователями: стихотворений, вписанных в экземпляр Ефремова, ныне принадлежащий И. Н. Розанову, тетрадки Лазаревского, ныне утерянной Библиотекой Украинской Академии Наук, а также попавшего в берлинский сборник стихотворения «Карета».

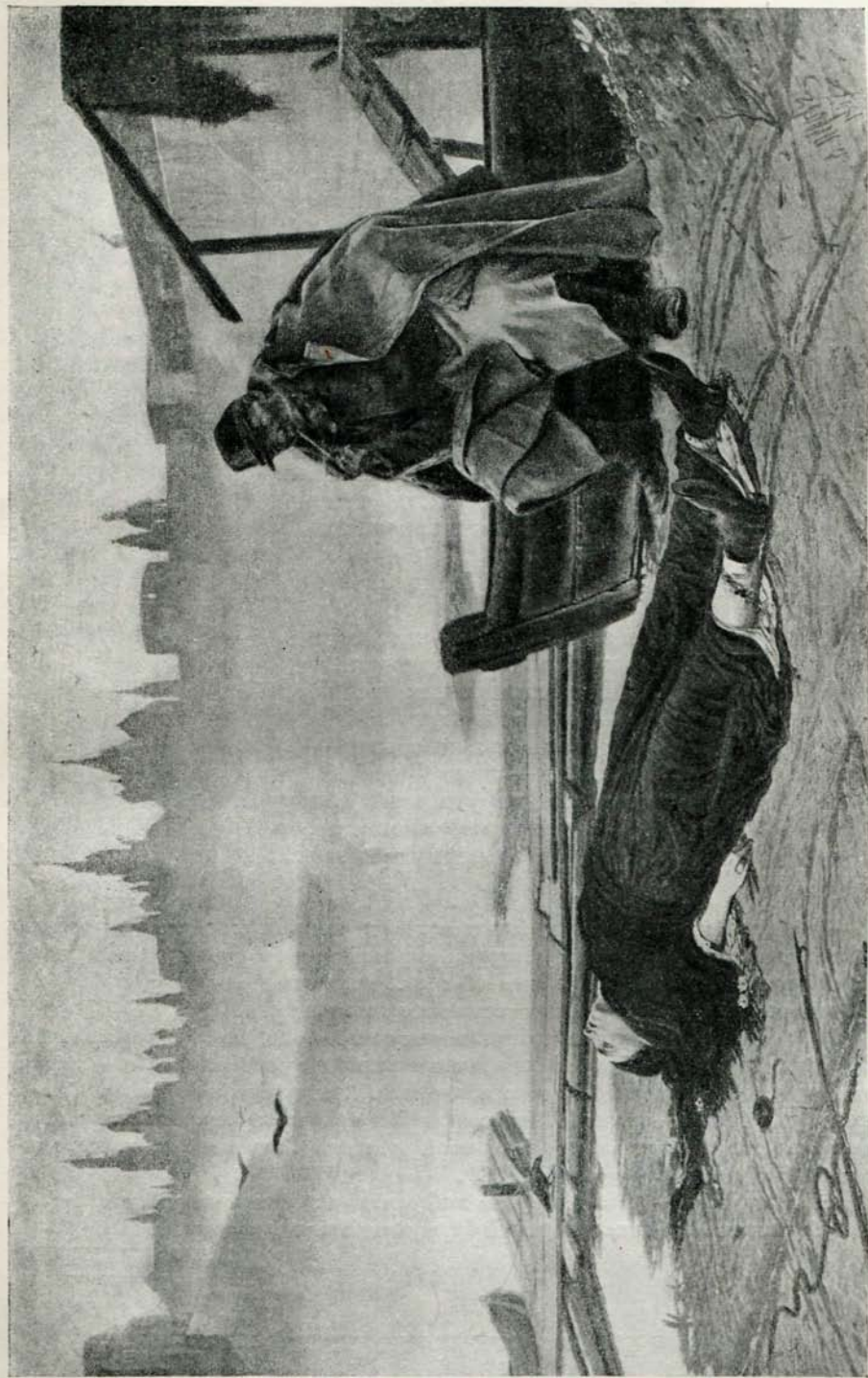
А. Максимович

IV

(1)

«ДВА ОТРЫВКА ИЗ «НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ»»

Смутный говор — дуэли и драки.
 Назначенья и сплетни Двора.
 Лошадиные призы, собаки.
 Берты, Марты, охота, игра.
 Тут же речь о сивухе злобной,
 О финансах родной стороны —
 Погоди, якобинец салонный,
 Мы идем — мы послушать должны!
 (Их уж мало: иные успели
 Все земное свершить и опять
 Ретроградные песни запели,
 Тем начальство велело молчать.
 Те в расчетах своих обманулись,
 Не сумев по течению плыть,
 На крестьянском вопросе свихнулись

УТОПЛЕННИЦА

Картина маслом В. Г. Перова, 1867 г.
Третьяковская галерея, Москва

И в Москву переехали жить).
 Так горячее первое племя
 Либералов прошло навсегда.
 Но и в наше довольное время
 Недовольные есть господа.

«2»

Разорило чиновников чванство,
 Прожилась за границей знать,
 Отчего оголело дворянство
 Бесплезно и речь затевать!
 Все, что было — у каждого сплыло,
 И остался в наличности шиш,
 Даже ты, откупное светило,
 За грошовым пикетом крехтишь.
 Кабаками нажившись до-сыта,
 Ты обширных земель накупил,
 Для которых покуда нет сбыта.
 Капитал твой не то, чтобы сплыл,
 Но уж он не в руках, а «в тумане»,
 Занятые рублишки в кармане,

.....

Не о том ли печалишься, друг,
 Что народ понемногу уходит
 Из твоих всехватяющих рук?
 Погоди, — мы вина накурили,
 Но покуда его мы не сбыли —
 Дело грязное — надо бросать!
 Продадим как-нибудь свою водку
 И опять ты начнешь прожигать
 Купоросом крестьянскую глотку...

.....

В 1863—1864 гг. Некрасов начал работать над большим циклом сатир о петербургском «Английском клубе». В своих сатирах Некрасов хотел подвести первые итоги «Недавнего времени» — времени реформ 60-х гг., показать ренегатство либералов, показать, как реформа оттолкнула дворянских идеологов вправо.

Этот цикл был непосредственным продолжением сатир «О погоде». По первоначальному замыслу в него должна была войти полная картина Английского клуба — парадные обеды, разговоры в гостиной, газетная, игорная. Следующим звеном был «Театр» (окончательное заглавие — «Балет»). Замысел не был полностью осуществлен.

Напечатанные два отрывка взяты из черновой рукописи «Недавнего времени», хранящейся в Институте литературы АН СССР.

Тема первого отрывка — разброд среди либералов, их ренегатство после реформы 1861 г. Во втором изображен крупный буржуазный делец, откупщик.

А. Максимович

V

«ЕСЛИ ТЫ КРАСОТЕ ПОКЛОНЯЕШЬСЯ»

Если ты красоте поклоняешься —
 Снег и зиму люби. Красоту
 Называют недаром холодной.
 Погляди ты коней на мосту,

Полюбуйся Дворцовой площадью
 При сиянии солнца зимой:
 На колонне из белого мрамора
 Черный ангел с простертой рукой —
 Не картина ли?

Отрывок стихотворения на тему о красоте зимнего петербургского пейзажа публикуется по записи, сделанной сестрой поэта Анной Алексеевной Буткевич на обороте копии стихотворения Некрасова «Притча» (1870) — Институт литературы Академии Наук СССР (фонд 203).

Никаких указаний на авторство Некрасова у нас нет. Однако самый факт записи его рукой Буткевич, на одном листе со стихотворением, несомненно принадлежащим Некрасову, свидетельствует в пользу такого предположения.

Стихотворный размер отрывка необычен для Некрасова; правда, у поэта встречается трехстопный анапест с характерным чередованием дактилических и мужских окончаний (ср. «Средь ликующих, праздно болтающих, обгагривших руки в крови»), но при этом никогда не бывает чередования рифмующих (четные с нерифмующими (нечетные) строками — чередования, в русской традиции свойственного только хореическому стиху.

Тема стихотворения — красота столицы в морозный день — находит себе несомненное соответствие в творчестве Некрасова, в частности — в стихотворении «Кому холодно, кому жарко» (цикл «О погоде», ч. II, 1865):

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
 Роскошь! Улицы, зданья, мосты
 При волшебном сиянии газа
 Получают печать красоты.

.
 Все свежо, все эффектно: зимой,
 Словно весь посеребрённый, пышен
 Петербург самобытной красой!

Очень возможно, что публикуемый отрывок связан именно со стих. «Кому холодно, кому жарко» как первоначальная разработка темы в ином тоне и в ином стихотворном размере (примеры таких «творческих заготовок», не совпадающих по форме с окончательным воплощением темы, неоднократно встречаются у Некрасова).

Упоминаемые в отрывке «кони на мосту» — статуи Аничкова моста; «колонна из белого мрамора» — покрытая ином гранитная Александровская колонна посреди Дворцовой площади в Ленинграде.

А. Максимович

VI

НЕСКОЛЬКО НЕИЗДАНЫХ ВАРИАНТОВ

До нас дошло немало первоначальных набросков, сделанных Некрасовым для поэмы «Белинский» в 1855 г. Некоторые из них не так давно появились в печати. Один опубликован Н. С. Ашукиным в брошюре «Памяти Некрасова» (изд. Русского общества друзей книги, М., 1928, 18—19), другой — мною, в Полном собрании стихотворений Некрасова (Л., 1935, 469).

Ниже воспроизводятся те отрывки, которые оставались до сих пор неизвестными. После слов об отце Белинского:

Он только пить любил да палкой
 К ученью сына поощрял —

в одном из первоначальных вариантов читаем:

Ученье было бестолково,
 А обхождение так сурово,

Что он по суткам пропадал
 И как волченочек одичал...
 Когда отец его скончался,
 Он до Москвы кой-как добрался
 Из Пензы, помнится, пешком.
 Учился пополам с грехом...

Характеризуя идейное могущество произведений Белинского, поэт писал в одном из первоначальных набросков:

. мыслью новой
 Стремлением к истине суровой
 Дышал горячий труд его.
 Он полагал в него всю душу.
 Он говорил: «Я все разрушу
 И не оставлю ничего».

Та строфа, которая ныне завершается строкою «Он шел один не колебим», первоначально имела такую концовку:

В несчастьи он мужал душою,
 В борьбе он силу почерпал,
 И сеять * щедрою рукою
 Добро и Правду продолжал.

Первоначально поэма «Белинский», очевидно, была задумана в другом размере. Среди тех же черновиков поэта имеются такие, например, записи, относящиеся к Белинскому:

Недосказанной, многострадальной
 Наступил этой жизни конец.
 Сокрушается в думе печальной
 Много теплых и добрых сердец.
 Это был человек бескорыстный...

Сюда же относится такое двустипение:

Я долго размышлял над жизнью твоей,
 Великий человек, безвестный для людей.

В «Размышлениях у парадного подъезда» в первоначальной рукописи были такие стихи о русском народе и его горестных песнях:

Испытуемый грозной судьбою,
 Песен счастья не складывал он.
 Он стонал под татарской пятою,
 И доныне напев его стон.

В окончательном тексте это четверостишие заменено знаменитым отрывком:

Стонет он по полям, по дорогам,
 Стонет он по тюрьмам, по острогам
 и т. д.

В «Крестьянских детях» после строки «Ванюша в деревню въезжает царем» в первоначальном тексте было четверостишие, характеризующее самостоятельность и бойкость крестьянского мальчика:

Сам с воза сползает! Проворство, сноровка
 Ему достаются шутя,
 И любо глядеть, как свободно и ловко
 К труду переходит дитя.

* <В а р и а н т> сыпать.

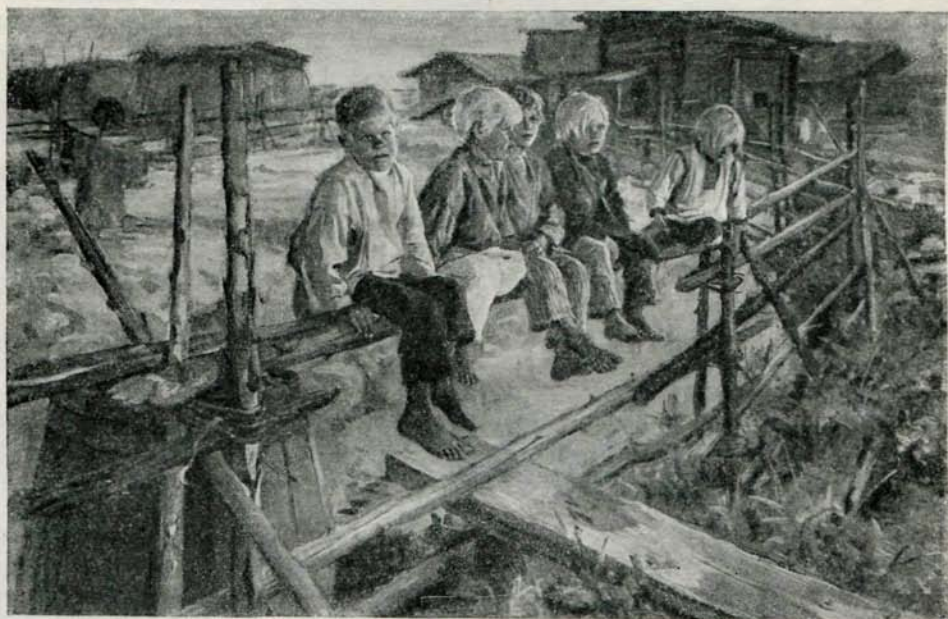
XVII глава поэмы «Мороз, Красный нос» в черновом автографе начиналась такими строками:

Минув занесенное жниво
И тихо ступив на бугор,
Савраска вступает пугливо
В пушистый серебряный бор.

В одном из последних вариантов «Балета» было такое обращение к музе:

Смейся, хлопай, покрикивай с нами,
Глупо злиться на этих людей.
Легче сердцу им тронуть ногами,
Чем суровую песню твоей.

К. Чуковский.

«ВОРОБЬИ»

Картина маслом И. М. Прищипникова, 1880-е гг.

Художественный музей, Иваново

Вышеприведенные тексты найдены мною в рукописях Некрасова во время моей многолетней работы над текстологией полного собрания стихотворений Некрасова. Последние четыре строки сообщил мне покойный А. Я. Максимович, заново обследовавший все рукописные фонды поэта.

VII

〈ЗАМЕТКА О МЫСЛИ В ПОЭЗИИ〉

Сравнение — поэзия, картина — поэзия, событие может быть поэтично, природа — поэзия, чувство — поэзия, а мысль — всегда проза, как плод анализа, изучения, холодного размышления — но следует ли из этого, что поэзия должна обходиться без мысли? дело в том, что эта мысль-проза в то же время — сила, жизнь, без которых собственно и нет истинной поэзии.

И вот из гармонического сочетания этой мысли-прозы с поэзией — и выходит настоящая поэзия, способная удовлетворить взрослого человека — и в этом задача поэта.

Некрасов не любил многословных творческих деклараций: в своих критических статьях, в переписке он всегда конкретен и очень скуп на общие теоретические высказывания.

Краткая «запись для себя», сделанная Некрасовым на полях стихотворной рукописи, касается очень важного, принципиального и насущного для Некрасова вопроса о роли мысли в искусстве; ее надо рассматривать как итог размышлений поэта, подведенный им уже в конце своего творческого пути.

Неразрывное сочетание поэзии и сознательной мысли — одно из основных свойств поэзии Некрасова, своей идейностью осуществлявшей требования демократической эстетики, основы которой были предугаданы еще Белинским и развиты Чернышевским и Добролюбовым.

Вопрос о значении мысли был неразрывно связан с вопросом об активной общественной роли искусства: «Отнимать у искусства право служить общественным интересам значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев» (В. Б е л и н с к и й, Взгляд на русскую литературу 1847 года — Собр. соч., XI, 145).

Противники демократической эстетики, выдвигая теорию «искусства для искусства», лишали писателя права на сознательную критику мира. Говоря словами Добролюбова, они хотели, чтобы «писатель-художник удалялся от всяких жизненных вопросов, не имел никакого рассудочного убеждения, бежал от философии, как от чумы, и во что бы то ни стало — распевал бы как птичка на ветке». Они утверждали, что элемент рассудка («дидактизм») враждебен поэзии, «придает мертвенность, вялость и холодность поэтическому произведению» (Н. Д о б р о л ю б о в, Дневник, 19 января 1857 г. — Собр. соч., VI, 458).

Полемизируя с этим утверждением, Добролюбов говорил, что «дидактизм отвлеченный, голодный нужно отличать от дидактизма, перешедшего в жизнь, в натуру поэта, в инстинктивное чувство добра и правды, чувство, придающее жизнь, энергию и поэзию произведению гораздо более, нежели просто какое-нибудь чувство природы или безотчетного наслаждения красотой» (там же).

Именно такой «дидактизм... перешедший в натуру поэта» — характерная особенность творчества Некрасова.

«Я утверждаю, — писал он Л. Н. Толстому 13 апреля 1857 г., — что никогда не брался за перо с мыслью, что бы такое написать, или как бы что написать: позднее, по-либеральнее? — Мысль, побуждение, свободно возникавшие, неотвязно преследуя, наконец заставляли меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие» (Н е к р а с о в. Собр. соч., Л., 1930, V, стр. 291).

Для Некрасова «холодная мысль» была реальной силой, определявшей его сознание и волю. Говоря о мысли, Некрасов имел в виду не отвлеченное умствование, а живое, органически присущее личности, активное отношение к миру.

Белинский называл мысль «ж и в о й с и л о й». Добролюбов говорил о «чувстве добра и правды», придающем искусству «ж и з н ь, э н е р г и ю», Некрасов называет мысль «с и л о й, ж и з н ь ю».

Заметка Некрасова публикуется по карандашной записи на полях белой рукописи стих. «Уныние» (1874), хранящейся в Институте литературы АН СССР (Фонд, 203, № 37, л. 1).

А. М а к с и м о в и ч